

Дарья АКИМОВА

И все-таки: кто такой Константин Васильев? Наверное, этого мы уже не узнаем. Да и при его жизни бы не узнали: слишком уж он был негромким человеком. А может, и специально играл роль — иначе больно много сил ушло бы на объяснения: почему у его «Валькирии» рука поднята в нацистском приветствии и вообще не с «ними» ли он. К тому же чего это он так любил «вражьего композитора» Вагнера? Или еще: не тот ли это Васильев, который живет в лесу отшельником? И не тот ли это Васильев, который даже не состоял в Союзе художников?

Васильев, наверное, так и останется просто «одним из первых гиперреалистов», и его романтически-патриотические полотна наверняка заслонят собой остальные его же работы, не укладывающиеся в термин «гиперреализм». Правда, Васильев работал над ними, когда гиперреалистическая живопись на патриотические сюжеты из жизни богов и князей-героев еще не стала официально одобренной модой и приветствовалась только в виде иллюстраций к детским сказкам. Тогда ему было трудно писать по-своему. Он вообще прожил свои тридцать три года не слишком легко, то есть именно так, как должен прожить художник. И по-гиб так, как не должно было быть, но так нелепо, как у них, художников, случается часто.

Блажен, кто посетил...

В его персональный музей заходят иногда очень странные и очень чужие люди. Иные вообще смахивают на пришельцев из прошлого — представители всяческих федераций древних кулачных боев России. Или сумрачные кузнецы с седыми кудрями, толкующие о национальном самосознании.

Сам Васильев родился тогда, когда «национальное самосознание» было не фразой, а способом выживания. Майкоп, оккупированный немцами. Обстрел. Хибарка, в которой ютятся: хозяйка, две дочери хозяйки, бабушка, ее дочь на сносях и маленькая внучка со второй дочерью. Правда, немецкий офицер, осматривая как-то все это хозяйство, сказал, что если роженице будет плохо, он вызовет ей лекаря. Не вызвал. Ни света, ни воды — ничего не было, роды принимала старая женщина, проработавшая двадцать лет санитаркой. Так во время обстрела он и родился — сын советского партизана, коммуниста, руководителя производства.

Потом в сорок шестом их семья все уцелела, родилась еще дочка (ещка) переезжала в Казань, и их корабль плыл по Волге мимо Сталинграда. Черпает воду из реки запрещалось — у берега по-прежнему лежали трупы.

Потом Константин Васильев решил написать цикл портретов военачальников, он даже начнет этот цикл портретом Жукова, но не успевает закончить.

Огород по системе Мондриана

Теперь мало кто поверит в то, что из Кости Васильева, ученика московской художественной школы при Суриковском институте и реалистического певца русской былины мог получиться апостол авангарда. Но он действительно таким стал — на какой-то момент. Наверное, и школа виновата, и Казанское худучилище тоже: тогда Котья с приятелем Сашкой Жарским разрисовывал потолки в комнатухе (снимали на пару) силуэтами греческих богинь и рассматривал полузапретные каталоги Дали и Пикассо — их фант и умища Жарский привозил из самого Парижа.

Валентина Васильева, сестра художника и директор московского музея Васильева: Константин даже огород у нас копал, копируя рисунки легендарного кубиста Пита Мондриана! Вскопает кусочек с одной стороны, кусочек — с другой, соединит их треугольничками... Ты чего делаешь, спрашиваю. «Понимаешь, так, по системе Мондриана, вроде бы быстрее получается...»

У него все получалось «не так», в том числе и писать «по-новому». А когда близкие приставали с вопросами (дескать, что ты хотел сказать этим вот сюрреализмом?), он пожимал плечами и отвечал: «Вы в «Апостоле» что видите? Цепи, отходящие от женских грудей... Все в мире — от женщины? Значит, так оно и есть. Как хотите — все правда».

Но потом в 64-м как-то вдруг все изменилось. Свои прежние работы Костя просто решил выкинуть: «Не наше это все». Почему? «Просто ощутил, где живу». А цветные коллажи он все до единого сжег.

Это уже потом его назовут «Васильевым из Васильева» — из того Васильева, что на самом берегу Свиаги, среди лесов, смахивающих на грустные чащобы Билибина и шишкинский мрачный бурелом. Костя просто поразмыслил однажды — и поволок свои «дализмы» на помойку. Его друг, Геннадий Пронин, теперь директор казанской галереи Васильева, почти со слезами выпросил у него «забракованные» картины.

Вернуться к «пройденному» Васильев уже никогда не пытался: во всем, что касалось живописи, он был абсолютно категоричен. Работал жестко, очень по-мужски, не отрываясь, даже в семь лет, когда ему впервые сделали удивительный подарок — карандаши.

Мужчина в доме

Валентина Васильева: Жили мы, в общем-то, достаточно патриархально. Отец приходил с работы, мы сидели за стол, а потом отец вслух читал Гоголя... Родители были безусловным авторитетом.

Костя много читал, откуда-то добывал книжки. Тогда ведь просто неприлично было не записаться в библиотеку — в Казани была Ленинская библиотека, да и друзья приносили исторические книги, легенды...

— Как возник васильевский псевдоним Великоросс?

— Костя говорил: все мы великороссы — надо же кому-то об этом помнить...

Он помнил. За это ему и попадало. За то, что не писал героических сталевазов и знатных колхозниц. Чего это у него, спрашивается, все старина какая-то, и не только, главное, русская, но и какая-то то там скандинавская...

Валентина Васильева: Ну просто ему нравились красивые люди! Поэтому он и рисовал того же Барбароссу Рыжего. Ярко это — огромная борода, корона...

Константин ведь очень молодой был. Ну увлекался он этой романтикой, почти бредил, как любой юноша!

Вы знаете, так странно получилось: мы ведь его всю жизнь воспринимали как старшего, почти как отца. Наш папа рано (особенно для нас, детей, рано) умер, он был на девятнадцать лет старше мамы, и Котя нам заменил отца.

Разница между мной и им была четыре года, но его как мальчишку никто не воспринимал. Помню, какой удивительный был фуор в Васильеве, когда он мне привез из самой Москвы в подарок игрушку.

Валя часто шла к брату: вот, знаешь, надо то и это, и еще прикупить продуктов, починить что-то в доме... Он совершенно безропотно со всем соглашался.

Сам он страдал только от одного — когда не мог купить краски. Зарабатывал мало. Однажды гордо принес зарплату: «Мам, вот вам двадцать три рубля», — и усмехнулся... Кем он только ни работал — и оформителем, и декоратором в театре, и художником в фонде культуры, но отовсюду его гнала «неуживчивость характера», по-нашему — неумение вовремя пригнуться и «потерпеть». Из фонда культуры он вообще ушел, хлопнув дверью, когда ему сказали после двух месяцев работы: «Молодой человек, а вас в наших списках не значится...».

Женщина в доме

Подопечных в семье было без счета. У него и писать появлялась возможность только по ночам, когда курьерша в доме заканчивалась. У Вали тогда росло трое детей, и по вечерам Котя непременно брал младшую племянницу на руки, почти закидывал ее на плечо и шел к холсту. Когда дети особенно буянили, их криком разгоняли женщины; Костя морщился и сам кричал Валентине что-то вроде:

— Ну что вы на них голос срывааете? Ну виноваты дети — дайте подзащитник, не виноваты — не трогайте их, дайте успокоиться, вот ведь женская логика!

Так на нем и висела «обезьянка» нескольких лет от роду, крепко обхватив дядю за шею, а он принимался за свои картины — они все были написаны почти что на кухне.

Правда, однажды в молодости у него появилась возможность поработать в спокойной обстановке — только очень уж страшная была эта возможность: заболела его младшая сестра. Грустная девушка в черном с большой печальной овчаркой на поводке — это как раз портрет Люды. Тогда-то, наверное, и началось его увлечение мифами и легендами: Людмила лежала в постели и читала вслух, а Котя писал. Так прошел последний год Люды.

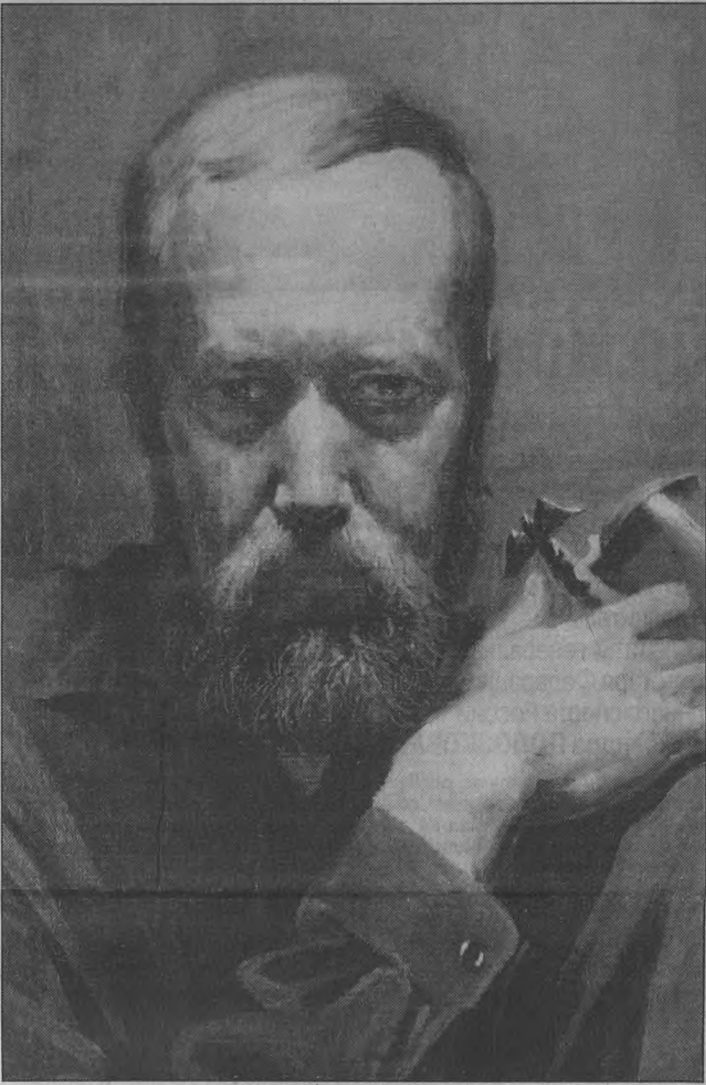
Она умерла. Он, кажется, так на всю жизнь и привязался к имени Людмила. Только вот подходящих Люд все не было. Он искал и искал — наверное, ему очень хотелось, чтобы «его» девушка была такой, как Елиза-

«Прощание славянки». 1974

Великоросс

Житие Константина Васильева из Васильева

«Автопортрет». 1976

Досье «ВМ»

Константин Алексеевич Васильев — художник, график. Известен как один из основоположников гиперреалистической эпической живописи в СССР. Родился 3 сентября 1942 года в Майкопе. С 1949 года постоянно жил в поселке Васильево под Казанью. Обучался в московской средней художественной школе при Институте имени Сурикова. Окончил Казанское художественное училище. В профессионально-творческих союзах не состоял. Женат не был.

Одним из первых среди художников СССР всерьез занялся дохристианской русской мифологией. Создал цикл полотен на былинные сюжеты («Рождение Дуная», «Бог Свентовит»). Властями обвинялся в недостаточной идеологической подкованности и нежелании воспевать строителей коммунизма. Творческая манера художника также не соответствовала требованиям социалистического реализма: Васильеву не хватало скульптурно-монументальной телесности и жизненного оптимизма.

Еще при жизни приобрел всероссийскую известность. Трагически погиб в 1976 году в возрасте тридцати четырех лет.

вета Ксавьерьевна Воронцова с портрета Соколова, но непременно с голубыми глазами. И непременно любила музыку, причем классическую, желательно Вагнера — того самого, которого обожал он сам за «Кольцо Нибелунга» и «Смерть Зигфрида». Он нашел свою Людмилу.

Любовь к музыке их свела, она же и развела: в реальности произошла сцена из Марлена Хуциева.

Помнится, герой «Весны на Заречной улице» пришел в гости к своей Татьяне Сергеевне, а та, заслушавшись классикой, звучавшей по радио, попросту проигнорировала влюбленного. В городе Казани в роли Татьяны Сергеевны выступил Константин: он требовал полной и безоговорочной тишины, пока звучала его излюбленная вещь, а какая женщина способна эту тишину

соблюдать на импровизированном домашнем концерте? Он и выдал в присутствии друзей: мол, или слушай, или нет, третьего не дано, и далее в том же духе. Люда не стерпела; на том история их отношений и завершилась. Впрочем, скорее всего, это был просто предлог или последняя капля.

Константин прекрасно понимал, что такое дом и дети — все-таки сестра с семьей жила рядом. И главное — он боялся. Не только боялся, но и знал, что именно ТАК и будет: он женится и бросит писать. И начнет думать совсем о другом: как найти деньги, как прокормиться.

Была, правда, еще и девушка с поэтичной фамилией Асеева, большими глазами и длинными музыкальными пальцами, роман с которой стал... портретом — и только.

Валентина Васильева: Мы с Леной общались долгое время, созванивались, но вот сейчас как-то потеряли друг друга из виду: и она, и мы несколько раз переезжали, меняли телефоны...

Меня многие спрашивали: вот почему это у Васильева на полотнах все время женщины только с голубыми глазами. Не знаю...

Велено не пущать

В ноябре 76-го в Зеленодольске устроили его персональную выставку, народ валил валом и требовал: «Автор!». Автор отнекивался: ну не любил он встреч с почитателями, хоть они частенько к нему захаживали, а то и оставались «погостить» — нельзя же было паломников откуда-нибудь из Сибири на улицу выгонять. К Васильеву в начале семидесятых «ломились» все и отовсюду, и отказывать никому не представлялось возможным.

Пожалуй, никто и никогда не тяготился так своей популярностью, как Васильев. «Вот ведь жили лет сто назад, — мечтательно цедил он сквозь зубы, — сидели хозяйка дома, чай кушали. К крыльцу подъезжали дрожки: «Барин дома?» — Не принимает, не велено пущать». И весь сказ».

Его, человека, всю свою жизнь прошедшего пусть не в обиде, но в весьма ощутимой тесноте, почти преследовала мечта о доме — совсем своем доме, старинном особняке с большими окнами, светлыми высокими потолками...

Наверное, в какой-то момент он просто очень устал: все-таки слишком уж мало его жизнь походила на жизнь художника, тем более «вольного». Наверное, выход был, но Васильев его выходом не считал. «Тебе уехать в Москву не хочется?» — спросила однажды Валя. «Что я там забыл? Все эти сборища: мол, ты, Васек, очень гадкую картину сделал и вообще живешь не с теми... Не по мне это, понимаешь?»

Скорее всего, он просто «пошел на принцип»: я, дескать, могу творить и без вашей тусовки, более того — с ней у меня творить не получится. Кажется, у него бы и впрямь не получилось: он слишком уж «питался» своим заколдованным лесом, там был его «храм» — та самая «Лесная готика», которая стала его эмблемой. Он жил на своей земле и за это готов был платить дорожную цену. Каждый день ходил пешком несколько километ-

ров на работу. И внутри себя самого почти все время оставался один. Отшельником он, правда, не был. У него и в столице были друзья, с которыми он не прочь был и попить — по-нашему, по-бразиль... То есть по-русски — с беседами и «душевностью».

— Он вообще был очень самоуглубленным человеком, но только не самодостаточным, — это Анатолий Доронин, военный журналист и «васильевец». — Он мог часами сидеть в компании, молча с улыбочкой слушать окружающих, а потом вдруг резко переключить все внимание на себя — роль души компании ему легко давалась, равно как и просто роль слушателя.

«Люди своего круга» у него тоже были — вернее, он создавал их сам. Если хотите — он занимался тем самым толстовским просветительством.

Анатолий Доронин: Как бы высокопарно это ни звучало, но Константин из обычных провинциальных рабочих создал совершенно других людей. Один из его друзей, Кузнецов, учился в МФТИ, был любимым учеником Ландау. Многие до сих пор что-то сочиняют, стихи пишут... Перед самым концом у него даже появился ученик в живописи — Геннадий Калинин.

Васильев устраивал коллективные обсуждения своих работ для близких, очень торжественно их обставлял — просто создавал себе праздник. Обычно за несколько дней друзьям объявлял, что будет открывать картину на такую-то тему и просил их «принести свои духовные подарки». Придя с работы, расчищал комнату, посередине ставил мольберт, накрытый холстом, собирались знакомые и начинали фантазировать на заданную тему: герои Скандинавии или какая-нибудь русская легенда... Читали стихи; рисовали воображаемые картины. Константин слушал себе в сторонке, а потом снимал холстину. И улыбался — как будто был много-много старше всех тех, кто сидел рядом с ним.

Линия жизни

Валентина Васильева: Думаю, какая-то часть его души и впрямь была много-много старше реального Константина. Я даже испугалась однажды, когда он написал автопортрет, на котором — злой, рыжий, бородатый мужик... Мы ведь его такого вообще не знали!

Однажды мы сидели с ним вдвоем, и он (то ли в шутку, то ли всерьез) протянул мне ладонь и сказал: «Валя, смотри, у меня линия жизни очень короткая, мне торопиться надо...».

Получилось, действительно «надо»...

Последняя работа его была «Человек с филином» — та самая, на которой в ногах сурового старика сгорает лист старинной грамоты с надписью: «Константин Великоросс. 1976».

29 октября 1976 года Костя с другом Аркадием Поповым ушел на выставку художников Казани, его ждали поклонники, требовавшие «сатисфакции» — искусствоведческих объяснений. Идти ему предстояло несколько километров. Обратно он не возвращался три дня. Потом его принесли. На железной дороге Костю и Аркадия сбila электричка.

Хоронили Константина под его любимого Вагнера, а по Москве уже полз слух (быстро, впрочем, угасший): убили духовного лидера, и его «нишу» былинно-патристического художника уже никто не займет.

Потом оказалось — займут. Больше того, спустя некоторые время обнаружилось: кто-то, а Васильев «ниши» не занимал и на громогласное «лидерство» не претендовал. Просто жил, как жилось. У некоторых это получается.

«Грусть королевы». 1963